

Л. В. Стеженская

Кун-цзы цзя юй (Речи школы Конфуция): К выходу русского перевода А. Ю. Блажкиной

Рец.: Кун-цзы цзя юй (Речи школы Конфуция) / пер. с кит., исслед. и примеч. А. Ю. Блажкиной. М.: ИКСА РАН, 2022. 318 с.

Аннотация. Дается обзор книги А. Ю. Блажкиной, которая включает первый полный европейский и первый полный русский перевод древнекитайского письменного памятника «Речи школы Конфуция» («Кун-цзы цзя юй»), составление которого приписывается Ван Су (195—256), каноноведу из царства Вэй. Книга также включает вводные разделы, посвященные истории текста памятника, который долгое время считался поддельным. Результаты исследования А. Ю. Блажкиной философских тем «Кун-цзы цзя юй» составляет отдельный раздел книги. Рецензент приходит к выводу, что перевод имеет философскую направленность и в этом качестве окажется востребованным для исследований не только древнего конфуцианства, но и неоконфуцианства. Делаются некоторые дополнения и уточнения сведений по изучению и переводу этого памятника в Европе и России. Указываются некоторые перспективные темы по изучению конфуцианства, отмеченные автором в исследовательской части. Приведены сведения о «Жу цзя чжэ янь» («Словеса конфуцианцев»), древнекитайском прототипе переведенного памятника.

Ключевые слова: «Кун-цзы цзя юй», «Жу цзя чжэ янь», Ван Су (195—256), Блажкина А. Ю., конфуцианство, перевод.

Автор: Стеженская Лидия Владимировна, к. ф. н., доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, РФ. Тел.: +7 (919) 999-84-22. E-mail: liuxie@mail.ru

Lidiya V. Stezhenskaya

Kong-zi jia yu (Speeches of the Confucius School): On the Russian translation by A. Yu. Blazhkina

Review: Kong-zi jia yu (Rechi shkoly Konfutsiya) (2022). Per. s kit., issled. i primech. A. Yu. Blazhkinoy. Moscow: IKSA RAN. 318 pp.

Abstract: The book by A. Yu. Blazhkina includes the first complete European and the first complete Russian translation of the ancient Chinese Speeches of the School of Confucius (Kong-zi jia yu). Its compilation is attributed to a Confucian scholar Wang Su (195—256). The book also includes introductory sections on the history of the text of the monument, which has long been considered fake. The results of A. Yu. Blazhkina's research on the philosophical topics of Kong-zi jia yu make up a separate section of the book. The reviewer comes to the conclusion that the translation has a philosophical orientation and as such will be in demand for research not only of ancient Confucianism, but also of Neo-Confucianism. Some additions

and clarifications on the study and translations of this monument in Europe and Russia are provided, perspectives of Confucianism studies proposed by the author are highlighted. Ru jia zhe yan (Confucian Wordings) as Kong-zi jia yu prototype's character and nature are specified.

Keywords: Kong-zi jia yu, Ru jia zhe yan, Wang Su (195—256), A. Yu. Blazhkina, Confucianism, translation.

Author: Lidiya V. Stezhenskaya, PhD (Philology), Assistant Professor of HSE University, Institute for Oriental and Classical Studies; Senior Researcher, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: liuxie@mail.ru

Рецензируемая книга — достаточно новое явление в нашем классическом китаеведении и, как всякое новое явление, вызывает одобрение, сомнение и вопросы. Бесспорно только то, что перевод А.Ю. Блажкиной расширяет поле научных поисков по истории конфуцианства и, надеемся, «спровоцирует» дальнейшие научные дискуссии по этой теме. Данная рецензия призвана помочь началу таких дискуссий, но, как того требует жанр рецензии, прежде следует представить саму книгу.

Для перевода и исследования автор выбрала сочинение, которое только недавно получило признание специалистов в качестве важного источника по истории «древнего конфуцианства» [Блажкина, 2022, с. 5]. Как следует из замечания автора, древним она именуется раннее конфуцианство, под которым «понимается конфуцианство до Дун Чжуншу (179—104 гг. до н.э.), с которого началось становление конфуцианства как официальной имперской идеологии», включая в него, по китайской терминологии, «доциньское конфуцианство.., т. е. конфуцианство, исторически предшествовавшее объединению страны Цинь Шихуаном в 221 г. до н.э.» [Там же, с. 8]. Понятно, что нижним пределом такого «древнего конфуцианства» должно выступать время жизни Конфуция (551—479 гг. до н.э.).

Большую часть книги составляет перевод древнекитайского сочинения или, как его неоднократно определяет автор, трактата «Речи школы Конфуция» [Там же, с. 57—304]. Текст оригинала состоит из 44 глав. В переводе они обозначены римскими числами, названия глав даны в русском переводе. Так, глава I озаглавлена «Советник в царстве Лу». Названия глав, отмечает переводчица, «даны не по первым двум иероглифам (как, например, в случае с «Лунь юй»), а отражают самую суть главы» [Там же, с. 5]. Поэтому главу XLIII в своем переводе она называет «Цзы Ся спросил», оговорив в примечании, что фраза «Цзы Гун спросил» (заметим, наряду с упоминанием вопросов других учеников Конфуция), использованная для названия в оригинале, реже встречается в тексте этой главы, и ссылается на прецеденты такой замены в некоторых современных китайских публикациях. Внутри главы текст перевода разбит на смысловые параграфы, пронумерованные арабскими числами. Это, несомненно, в дальнейшем сделает ссылки на текст более простыми и адресными. Наиболее полные китайские публикации «Речей школы Конфуция» включают также «послесловие» или «после послесловия» (хоу сюй) предпола-

гаемого первого составителя этого сочинения Кун Аньго (156—74 до н.э.) и «предисловие» или «послесловие» (сюй) Ван Су (195—256), который позднее «упорядочил» «Речи...» и написал к ним комментарий. В переводе эти тексты не представлены, как и отсутствуют комментарии Ван Су. Все комментарии к тексту перевода выполнены А.Ю. Блажкиной, они приводятся как постраничные примечания наряду со ссылками на источники или литературу. При повторных упоминаниях исторического лица или других сведений комментариев уже не дается, но всё это можно уточнить по Библиографии [Там же, с. 305—309], Указателю имен [Там же, с. 310—314] и Указателю географических названий [Там же, с. 315].

Такая композиция текста перевода, как мы понимаем, определяется текстом древнекитайского оригинала. В этом качестве А.Ю. Блажкина взяла электронный текст на сайте Проекта оцифровки китайских философских книг (URL: <https://ctext.org/kongzi-jiaoyu>) [Там же, с. 5]. Там текст «Речей...» дан именно в таком виде без послесловий и комментариев и с такой же разбивкой глав на параграфы. Надо уточнить, что имеется в виду распознанный текст. В принципе, переводчик волен решать, какое издание ему взять, тем более что указанный сайт пользуется заслуженной популярностью у специалистов. Но, как и в случае с любым другим бумажным текстом, оптическое распознавание неизбежно приводит к ошибкам, подменам иероглифов и поэтому требует сверки с авторитетным традиционным текстом. В Библиографии (в разделе не источников, а литературы) на странице 308 имеются сведения о двух современных изданиях «Кун-цзы цзя юй» 2011 и 2014 годов. Проводилась ли по ним сверка текста или таковая была выполнена по отсканированным (без распознавания) старым изданиям на сайте Проекта оцифровки, переводчица не уточняет. Замечаний о возможных вариантах перевода в комментарии не встречается.

Помимо перевода книга включает вводную часть [Там же, с. 5—54], озаглавленную «“Кун-цзы цзя юй” — выдающийся памятник древнего конфуцианства». Вводной ее можно, пожалуй, назвать только по первым двум разделам «Вводные замечания» [Там же, с. 5—7] и «История изучения трактата “Кун-цзы цзя юй”» [Там же, с. 7—12]. А.Ю. Блажкина признает, «что для широкого круга наших читателей «[Кун-цзы] цзя юй» остается практически неизведанным текстом», тогда как «и в Китае, и за его пределами» интерес к нему «неуклонно растет». При этом в качестве первого вопроса для исследования называется задача определить, «записан ли “Цзя юй” кем-то из учеников самого Кун-цзы и отражает взгляды основателя конфуцианства или же перед нами более позднее произведение, плод творчества каноноведа [III в. н.э.] Ван Су». Содержание этого сочинения представлено как истории из жизни Конфуция, беседы философской тематики, «касающиеся важнейших онтологических, этических, эстетических и эпистемологических вопросов», которые ведутся с учениками и политическими деятелями того времени. В отличие от трактатов «Сяо цзин», «Чжун юн» «Да сюэ», этих конфуцианских канонов малой формы, «Цзя юй» не «узконаправленный тематический текст», а «довольно сложное и разноплановое сочинение». В этом оно сходно с «Бесе-

дами и суждениями» («Лунь юй») Конфуция, но по объему почти в четыре раза превосходит этот «знаменитый конфуцианский памятник».

В разделе «История изучения трактата “Кун-цзы цзя юй”» вопрос бытования собственно текста сочинения обозначен кратко, но вполне в достаточном объеме, с выделением исторических вех его составления Кун Аньго и описания в «Истории Хань» (I в. н.э.), редакции текста и введения в оборот Ван Су варианта из 27 цзюаней (свитков), бытования в составе из 10 цзюаней к VII веку и начавшаяся с династии Сун (960—1279) полемика вокруг вопроса поддельности «Речей...». И здесь А.Ю. Блажкина повторяет, что «вопрос об аутентичности “Кун-цзы цзя юй” можно считать ключевым, так как если трактат признается подлинным, то его содержание, по всей вероятности, характеризует мысли самого Кун-цзы и его ближайших учеников» [Там же, с. 11]. Автор отмечает, что «некоторые из глав “Кун-цзы цзя юй” практически полностью совпадают с эпизодами из “Ши цзи”» [Там же, с. 7], но забывает здесь же отметить, что это в равной степени относится к немалому числу совпадений по тексту с другими известными конфуцианскими сочинениями. Далее в комментариях к текстам глав перевода некоторые подобные замечания она все-таки делает. Главный аргумент противников подлинности «Речей...», как отмечает сама автор, состоял в том, что эта книга представляла собой всего лишь «разнообразные выдержки» из канонических и классических книг [Там же, с. 9]. Среди противников подлинности «Цзя юй» назван сунский Ван Бо (1197—1274), ряд цинских канонистов XVII—XVIII веков и Гу Цзеган (1893—1980) как крупнейшая фигура в научном течении «сомнения в древности». Странниками подлинности сочинения названы Чжу Си (1130—1200) и Чэнь Шикэ (1748—1796), а также Дж. Легг и Р. Вильгельм. Среди западных исследований как важнейшая совершенно справедливо названа работа Р.П. Крамерса (1920 — 2002) с результатами его исследования текста и переводом первых 10 глав. Он склонялся к мнению о двусоставности текста: «оригинальный ранний текст переплетается с более поздними добавлениями, сделанными Ван Су». Стоит добавить, что Р. Крамерс сомневался, что возможно было намеренно создать подделку такого масштаба. Эту мысль в свое время в отношении других «сомнительных» древнекитайских памятников выражал и Дж. Легг. Автор упоминает А.Б. Хатчинсона (A.V. Hutchinson, 1841—1918), английского протестантского миссионера в Японии, который первым перевел предисловие, послесловие и первые 10 глав «Цзя юй», опубликовав их в миссионерском журнале в Шанхае в 1878—1880 годах. Другой предшественник Крамерса, бельгийский профессор-востоковед и католический прелат Шарль де Арле (Charles de Harlez, 1832—1899), не упомянут. Однако именно его можно назвать первым европейским переводчиком почти всего текста «Кун-цзы цзя юй». В 1893—1896 годах в ряде номеров журнала «Вавилонский и восточный отчет» он издал английский перевод всего текста, кроме глав XXVII и XXVIII, перевод которых оказался утерян ко времени печати очередного выпуска. Добавим, что Хатчинсон поддерживал Дж. Легга и считал «Цзя юй» подлинным текстом. Де Арле воздержался от определенного суждения, но считал маловероятным существование неизменным текста на протяжении многих веков до его записи в редакции Ван Су в III в. Он старался использо-

вать комментарии, отличавшиеся от комментариев из переводов Легга китайской классики.

В разделе «Вводные замечания» А.Ю. Блажкина весьма вежливо высказывается относительно бытования «Речей...» в российском китаеведении, когда говорит, что «в отечественном китаеведении сравнительно мало работ, посвященных комплексному исследованию непосредственно» этого сочинения [Там же, с. 7]. По факту, кроме статей самой А.Ю. Блажиной, их просто не было. Однако если упоминать С.М. Георгиевского, который в 1888 году «не раз обращается к “Кун-цзы цзя юй” как к важному источнику, а в ряде случаев даже дает перевод отдельных отрывков данного текста» [Там же, с. 7], то надо вспомнить и переводы В.В. Малявина отрывков из этого сочинения в популярном издании 2018 года. Здесь они приводятся как «Семейные предания о Конфуции» и включают переводы глав III и V, а также другие отрывки в разделе «Разные фрагменты» [Семейные предания..., 2018, с. 149—172]. Кроме того, к моменту подготовки своей книги автор не могла знать, что совсем скоро (2021 г.) выйдет статья Г.С. Поповой, в которой ставится задача изучения «Кун-цзы цзя юй» и содержится перевод первых двух глав [Попова, 2021, с. 901—928]. Так что А.Ю. Блажкина совершенно верно предположила (и своими статьями предопределила) растущее внимание к этому памятнику.

Вопрос поддельности «Кун-цзы цзя юй», указывает автор, во многом решился археологическими находками в 70-х годах XX века динчжоуских (датированы сер. I в. до н.э.) и фуянских (сер. II в. до н.э.) текстов на бамбуковых планках «Жу цзя чжэ янь» («Конфуцианские словеса»), которые оказались по своему содержанию «чрезвычайно близки» либо «во многом совпадают» с «Цзя юй» [Блажкина, 2022, с. 10]. А.Ю. Блажкина признает, что вопрос подлинности памятника чрезвычайно сложен, так как название и специфика содержания книги доказывают ее древность, но в то же время очевидно, что текст “Кун-цзы цзя юй” многократно редактировался и переписывался» [Там же, с. 10]. Однако ссылки на авторитетные мнения китайских ученых предполагают, а выход рецензируемой книги и доказывает, что автор соглашается с отнесением памятника «к раннеконфуцианской философской традиции», а возможно, и разделяет мнение профессора Ян Чаомина, одного из наиболее активных участников восстановления авторитета «Речей...», что это «первая книга для изучения Кун-цзы». Именно на его издание «Кун-цзы цзя юй» в 2013 году обратил внимание Председатель КНР Си Цзиньпин и выразил намерение эту книгу «изучать самым серьезным образом» [Там же, с. 12—13].

Раздел 3 «Основные темы трактата “Кун-цзы цзя юй”» представляет первые результаты исследования А.Ю. Блажиной. Он же, как нам кажется, дает ключ к пониманию причин появления перевода, его направленности и организации. Автор выделяет несколько тематических блоков в содержании «Речей...»: гармонизация Поднебесной путем добродетельного управления, ритуальная практика, концепция индивидуального синхронного опыта, взаимоотношения Конфуция с Лао-цзы, сведения о Конфуции и его учениках. Более подробно и развернуто философские вопросы «Речей...» обсуждаются в подразделах третьего раздела. Первый из них, «Этика и эстетика: учение о ритуале», посвящен различным аспектам конфуцианского понимания ритуала-

ла (выводы на с. 28). Нам представляется перспективным вопрос, вынесенный здесь в заглавие подраздела. Действительно, ритуал должен был обладать «эстетическим и этическим содержанием (ритуал и прекрасен, и добродетелен одновременно)», поэтому вполне закономерна его связь с музыкой [Там же, с. 26]. Но также можно предположить истоки в ритуале эстетических понятий китайской литературы, искусства, другой творческой деятельности. Подраздел 3.2 «Социально-политическая философия: роль наказаний и феномен суицида», скорее всего, удивит читателя столь ранним вниманием конфуцианцев к проблеме закона, так как всегда считалось, что это произошло позже под влиянием легистов. Да и сама фигура Конфуция-управленца предстает здесь менее однозначной, хотя заметно стремление автора оправдать его действия сложностью конфуцианской доктрины. В подразделе 3.3 «Философия времени: концепция индивидуального синхронного опыта» автор отмечает близость понятия времени в «Речах...» и в годяньских рукописях (датируются периодом до III в. до н.э.). Для ранних конфуцианцев, говорит автор, «время представляет собой категорию не физическую, а метафизическую, трансцендентную, она относится главным образом не к области натурфилософии, а скорее к области этики» [Там же, с. 44]. Упрощая до предела это понятие, как мы понимаем, конфуцианец должен был быть готовым и «ловить момент». Поэтому, говорит автор, конфуцианство «хотя и настаивало на неукоснительном следовании ритуальным нормам, всегда оставляло место личной свободе, которая должна быть основана на анализе специфики каждой конкретной ситуации, а не на слепом повторении четко предписанных правил поведения» [Там же, с. 45]. В этом подразделе ведется подробная дискуссия по важным понятиям конфуцианства, таким как Небо, судьба, единство Неба и Человека и так далее, делаются отсылки к положениям доктрины Сюнь-цзы (313—238 до н.э.). Так, на наш взгляд, появляется возможность для сравнений с возобладавшей позднее доктриной Мэн-цзы. На временном аспекте понятия Неба сделал акцент И.И. Семененко в недавнем своем переводе «Мэнцзы».

Как видим, направление научных интересов А.Ю. Блажкиной полностью лежит в области истории философии раннего конфуцианства. Ее предыдущие исследования доциньских годяньских конфуцианских текстов на бамбуковых планках должны были подготовить именно такое нынешнее исследование. А задачи этого исследования (приведенного в Разделе 3), как нам представляется, определили форму подачи перевода, которая, конечно, не могла охватить весь спектр представления «Речей школы Конфуция» в качестве исторического памятника. Нетрудно заметить, что примерно четверть текста перевода никак не использована в исследовательской части книги. Философский перевод вполне отвечает своим целям и, надеемся, вызовет должный интерес у специалистов. С этой точки зрения в переводе все понятно, читается он легко и не вызывает вопросов по содержанию. Недостающие сведения, например, по параллельным текстам в других памятниках, доступны хотя бы на том же сайте Проекта оцифровки. Как и всякий большой перевод, «Речи школы Конфуция» не лишены некоторых ошибок и упущений, однако в большинстве случаев они не сказываются на философском понимании текста.

Вопросы к переводу лежат в несколько иной плоскости. Мы уже привыкли, что древний период конфуцианской мысли у нас освещается по канонической конфуцианской литературе. И даже из наиболее обширного конфуцианского «Тринадцатиканония» для этих целей берутся лишь некоторые сочинения, которые чаще всего и переводились (надеемся, и будут переводиться) на русский язык. Наиболее наглядный пример — неоднократные переводы «Суждений и бесед» («Лунь юй») Конфуция. «Речи школы Конфуция» не являются канонической книгой и в этом смысле представляют новый для нашего китаеведения тип источника. Первые библиографические сведения о нем относятся к I веку. Текст, представленный в III веке вэйским каноником Ван Су (195—256), вызывал сомнения в своей аутентичности, а к VII веку уже были сомнения в том, что имевший тогда хождения вариант был идентичен тексту Ван Су. Существующий же ныне текст «Речей...» восходит к ксилографическим изданиям минского времени не ранее конца XV — начала XVI веков. Правда, в некоторых из них утверждается, что за основу гравировки текста бралось раннее издание, но и в этом случае называлось какое-то сунское издание или рукописный текст, т. е. условно вариант периода 960—1279 гг. Насколько этот текст соответствует тому, что был в VII веке, тоже сказать трудно. Два рукописных фрагмента дотанского и танского периода (до и после 619 года) Дуньхуанских фондов Британского музея и Института восточных рукописей Российской академии наук имеют соответствия в нынешних главах, но и заметно отличаются по тексту — современная версия оказывается более обширной, т. е. нельзя с уверенностью сказать, что текст условно VII века не был «дополнен» до современного его варианта. Все исторические версии «Кун-цзы цзя юй» автор, по сути, признает «текстом Ван Су». Даже если это так, то безоговорочное заявление, что он «характеризует мысли самого Кун-цзы и его ближайших учеников» (которые, отметим, жили примерно за 700 лет до Ван Су), принять трудно.

Отдельно надо остановиться на динчжоуских бамбуковых «Конфуцианских словесах» («Жу цзя чжэ янь») из могилы середины I века до н.э. Как такового, этого сочинения не существует. Название условно и дано учеными, проводившими консервацию и разборку планок. Как правило, четыре-пять поврежденных планок в подборках действительно имеют некоторые совпадения по тексту с отдельными кусочками из глав «Кун-цзы цзя юй», не более того. Единственная публикация таких текстов в журнале «Вэнь у» в 1981 году занимает всего семь страниц, и не все соответствия относятся именно к «Речам...». Среди фуянских планок (сер. II в. до н.э.) текстов вообще нет, есть лишь некоторые совпадения с «Цзя юй» названий глав в одном из перечней текстов. Таково по факту подтверждение текста «Кун-цзы цзя юй».

Как отмечает сама А.Ю. Блажкина, имеющийся сейчас текст многократно переписывался и, следовательно, до какой-то степени видоизменялся. При этом в аннотации «Сы ку цюань шу» говорится, что с ростом уверенности в его поддельности только росло число его изданий и распространение в Китае. С другой стороны, самую первую критику в совсем небольшом сочинении Ван Бо вызвал факт привлечения Чжу Си «Кун-цзы цзя юй» для комментирования «Чжун юн». Можно предположить, что рост популярности неоконфу-

цианства как-то подпитывал все больший интерес к «Речам...». Наличие разных изданий «Кун-цзы цзя юй», множество параллельных с другими сочинениями текстов, их вариативность дают не менее ценный материал для исследования истории конфуцианства. Только в этом случае это будет не раннее конфуцианство, а, наоборот, позднее, то есть неоконфуцианство. Русский перевод А.Ю. Блажкиной может иметь и эту научную перспективу.

Библиографический список

Кун-цзы цзя юй (Речи школы Конфуция) / пер. с кит., исслед. и примеч. А.Ю. Блажкиной. М.: ИКСА РАН, 2022. 318 с.

Попова Г.С. Введение в изучение Кун-цзы цзя-юй («Школьные беседы Конфуция») // Ориенталистика. 2021; 4(4). С. 901—928. URL: <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-4-901-928>

Семейные предания о Конфуции / Пер. В. Малявина // Конфуций. Великое учение: с комментариями и объяснениями / Конфуций; пер. с китайского В. Малявина, И. Канаева; сост., предисл. В. Малявина; коммент. Е. Ямбурга, И. Канаева. Москва: Издательство АСТ, 2018. (Философия на пальцах). С. 149—172.

References

Kun-tszy tszya yuy (Rechi shkoly Konfutsiya) [Kung Tzu Jia Yu (Speech of the School of Confucius)] (2022). Transl. from Chinese, research. and note. A.Yu. Blazhkina. M.: IKSA RAN, 2022. 318 s. (In Russian).

Semeynyye predaniya o Konfutsii [Family traditions about Confucius] (2018). Transl. from Chinese by V. Maliavin, I. Kanaev; comp., foreword V. Maliavin; comments E. Yamburg, I. Kanaev. Moscow: AST Publishing House. S. 149—172. (In Russian).

Popova, G.S. (2021). Vvedeniye v izucheniye Kun-tszy tszya-yuy («Shkol'nyye besedy Konfutsiya») [Introduction to the study of Kung Tzu Jia Yu (“Confucius School Talks”)]. Orientalistics. 2021; 4(4). S. 901—928. (In Russian).